

**QUALITATIVE AND QUANTITATIVE CHARACTERISTICS
OF FUNCTIONAL-STYLISTIC AND EMOTIONAL-EXPRESSIVE
STYLISTIC COLORING OF THE ADJECTIVE IN LITERARY
TEXT (BASED ON V. M. SHUKSHIN'S STORIES)**

Mahanbet Dzhusupov

*Doctor of Philology, Professor
Uzbekistan State World Languages University
Tashkent, Uzbekistan*

mah.dzhusupov@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2934-2333>
<https://doi.org/10.36078/1783399406>

Sharapat Mamirova

*Central Asian Innovation University, Academician Mardan
Saparbayev Institute
Shymkent, Kazakhstan*

sarapatmamirova@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-0615-1921>

Abstract. The article discusses the qualitative and quantitative characteristics of stylistically coloured adjectival vocabulary in speech based on the fiction of V.M. Shukshin, in comparison with its presentation in explanatory dictionaries of the Russian language. The stylistic coloring of a linguistic unit in general and an adjective in particular, having commonalities in the dictionary and in the literary text, is characterized by the author's interpretation in the text, indicating an individual writer's vision and realization of the linguistic unit in the dynamics of language, in which the semantic-stylistic volume of the lexeme typically expands and deepens through the author's intention, genre of the work, theme, influence of linguistic and extralinguistic factors. In V.M. Shukshin's stories, both the stylistic and the overall semantic-stylistic aspects of the adjectival vocabulary expand and deepen through individual-authorial innovations (neologisms, occasionalisms, non-standard word combinations, etc.) as well as through the use of dialectal words, jargon, colloquial expressions, which he uses in the same meaning as in the dialect, or giving them a different (or several different) semantic and stylistic meaning. The qualitative and quantitative (linguistic-statistical) analysis of the functioning of the adjectival vocabulary in V.M. Shukshin's stories in comparison with the content of the stylistic annotations in dictionaries revealed significant differences, indicating the semantic-stylistic interpretation of a certain part of the adjectives used by the writer, allowing to define such a writer's activity as

evolutionary in relation to both the stylistic coloring of the adjectival vocabulary and its lexical meaning within his created literary texts, ultimately enriching the stylistics and semantics of the linguistic unit of the Russian language. During the scientific research, methods such as intralinguistic comparison, semantic-stylistic, linguistic-statistical, and inductive and deductive methods were used, contributing to the determination of the theoretical and practical significance of the investigated scientific problem.

Keywords: functional-stylistic coloring; emotional-expressive coloring; dictionary; literary text; linguistic statistics; individual-authorial stylistic coloring; similarities; differences.

**КАЧЕСТВЕННЫЕ И КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ
ХАРАКТЕРИСТИКИ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛЕВОЙ И
ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЭКСПРЕССИВНОЙ СТИЛИСТИЧЕСКОЙ
ОКРАСКИ ИМЕНИ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗОВ В. М. ШУКШИНА)**

Маханбет Джусупов

*Доктор филологических наук, профессор
Узбекский государственный университет мировых языков
Ташкент, Республика Узбекистан*

Шарапат Мамирова

*Центрально-Азиатский инновационный университет, Институт
академика Мардана Сапарбаева
Шымкент, Республика Казахстан*

Аннотация. В статье рассматривается проблема качественно-количественных особенностей стилистически окрашенной лексики имени прилагательного в речи на материале художественной прозы В. М. Шукшина в сравнении с её презентацией в толковых словарях русского языка. Стилистическая окраска языковой единицы в целом и имени прилагательного в частности, имея общее в словаре и в художественном тексте, характеризуется авторской интерпретацией в тексте, что свидетельствует об индивидуальном писательском видении и реализации языковой единицы в условиях динамики языка, в которой семантико-стилистический объём лексемы, как правило, расширяется, углубляется за счёт замысла художника слова, жанра произведения, темы, влияния лингвистических и экстралингвистических факторов. В рассказах В. М. Шукшина как стилистический, так и в целом семантико-стилистический аспект содержания лексики имени прилагательного расширяется, углубляется за счёт как индивидуально-авторских нововведений (неологизмы, окказионализмы, нестандартное сочетание слов и т.д.), так и за счёт использования диалектизмов, жаргонизмов, просторечных выражений, которые он употребляет в том же

значении как в диалекте, или придавая им другое (или несколько иное) смысловое и стилистическое значение. Качественный и количественный (лингвостатистический) анализ функционирования имени прилагательного в рассказах В.М. Шукшина в сравнении с содержанием стилистической пометы в словарях показал серьёзные различия, которые свидетельствуют о семантико-стилистической интерпретации определённой части прилагательных, использованных писателем, что позволяет определить такой деятельностный процесс писателя эволюционным по отношению как к стилистической окраске имени прилагательного, так и к его лексическому значению в рамках созданных им художественных текстов, что в итоге обогащает стилистику и семантику языковой единицы русского языка. В ходе научного поиска были использованы такие методы как внутриязыковое сравнение, семантико-стилистический, лингвостатистический, а также индуктивные и дедуктивные методы, что способствовало определению теоретической и практической значимости исследуемой научной проблемы.

Ключевые слова: функционально-стилевая окраска; эмоционально-экспрессивная окраска; словарь; художественный текст; лингвостатистика; индивидуально-авторская стилистическая окраска; сходства; различия.

Введение

В конце XX – начале XXI века в период общественно-политических, экономических, культурных и социальных перемен происходит интенсивное «олитературивание» слов разговорного стиля, взаимопроникновение стилей языка и речи, сужения/расширения, исчезновения/обретения значения слов, образование новых производных слов от заимствованных слов и т.д. Всё это отражается в словаре как стандартное, нормативное и т.д., и реализуется в художественном тексте в словарном (статическом) и речевом (динамическом) состоянии с привнесением индивидуально-авторских нововведений в смысловое и стилистическое содержание языковой единицы.

Имя прилагательное в этом языкоречевом процессе активно функционирует, обозначает признак и качество. Это синтагматически активная, многофункциональная, сложносемантическая часть речи. Стилистические свойства имени прилагательного проявляются на уровнях языковой иерархии, но неодинаково. В лексике, словообразовании и синтаксисе маркируются наибольшее количество новых производных и семантически разнообразных стилистических оттенков и значений языковой единицы.

Динамическое развитие стилистической науки, интенсивное изучение стилей языка и речи, их выразительных возможностей в настоящее время притягивает внимание лингвистов к структуре и содержанию текста. Это проявляется под углом деления основных для

языкознания и литературоведения понятий литературный язык и язык художественной литературы.

Исследованием языка В. М. Шукшина занимались многие специалисты (Tołkaczewski 2019; Marszałek, Tołkaczewski 2018; Коняшкин, Коняшкин 2022). Они обращались к разным аспектам языкоречи В. М. Шукшина. В работе рассматриваются особенности стилистической окраски имени прилагательного в сравнении статических (словарных) и динамических (речевых) характеристик, которые могут иметь и имеют существенные различия как в качественном, так и в количественном аспектах. В целях усиления научной объективности результатов исследования осуществлён и лингвостатистический анализ стилистической окраски языкового материала, что имеет как лингвотеоретическое, так и лингвопрактическое значение.

Например, в предложении из рассказа «Экзамен» В. М. Шукшина *«Как вам не стыдно? — с убийственным спокойствием спросил профессор и стал ждать ответа»* (Шукшин 1986). У слова *убийственный* появляется новое лексическое значение «непоколебимый, равнодушный, холодный», а словосочетание *убийственное спокойствие* является семантическим антонимом и имеет разговорный оттенок, так как только в процессе речи или авторского использования существительного и прилагательного, последнее приобретает новую стилистическую окраску (оттенок неодобрения и насмешки). Такой стилистический нюанс не отмечен в толковых словарях, т.е. он является контекстуальным, индивидуально-авторским.

Для анализа языкового материала взяты художественные тексты — рассказы В. М. Шукшина (сборник рассказов «Там, вдали»), толковые словари русского языка: Большой толковый словарь русского под ред. С. П. Кузнецова (БТС) (Кузнецов 2002). Около 130000 слов; С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова Толковый словарь русского языка (СОШ) (Ожегов, Шведова 2000). Около 80000 слов; Словарь русского языка (МАС) (Евгеньева 1981–1984), 80318 слов под ред. А. П. Евгеньевой; В. В. Даль, Толковый словарь русского языка (СД) (Даль 1991). Около 200000 слов.

Анализ материала исследования осуществлялся по следующим параметрам:

- 1) реализация нормативно-стилистических помет имени прилагательного и их значений в художественном тексте;
- 2) фактическое количество прилагательных в анализируемых

художественных текстах; 3) соотношение вида стилистической окраски имени прилагательного в толковом словаре и в художественном тексте; 4) индивидуально-авторское стилистическое использование имени прилагательного в художественном тексте В. М. Шукшина.

При лингвостатистическом анализе языкового материала в составе художественного текста использован метод сплошной выборки, то есть выписывались и анализировались стилистически окрашенные прилагательные из рассказов В. М. Шукшина.

Каждое литературное произведение свидетельствует не только об общеязыковом, но и об индивидуально-авторском стиле писателя, о мастерстве авторского отбора стилистически экспрессивных средств, что во многом зависит и от жанра, темы, художественного замысла писателя, от содержания произведения.

В рассказах В. М. Шукшина больше используются разговорно-художественные средства, поэтому его проза часто тяготеет в сторону разговорного стиля. В них обилие диалектизмов, неологизмов, жаргонизмов, просторечных выражений и т.д. Касаясь этой проблемы — проблемы языка художественного произведения, В. В. Виноградов отмечал, что для придания рассказам разговорного стиля писатель может пользоваться двумя способами: 1 — заимствование из разговорной речи, 2 — образование слов по продуктивным способам словообразования, свойственным разговорной речи (Виноградов 1980: 291). Это относится в целом к языковым единицам, используемым писателем, и, в частности, к лексике имени прилагательного, которая изначально красочна, образна и свободно сочетается прежде всего с именем существительным.

Целью исследования является анализ и описание презентации стилистической окраски имени прилагательного в толковых словарях русского языка и в художественном тексте на материале рассказов В. М. Шукшина с выдвижением на передний план как статических, так и динамических свойств языковой единицы в условиях доминирования диалектной речи героев произведения. В связи с этим задачами работы являются: выявление и описание различий в презентации стилистической маркированности имени прилагательного в словарях и в художественном тексте; выявление и описание сходств и различий в литературно-нормативном и диалектном значении и стилистической окраске имени прилагательного; выявление и описание индивидуально-авторский стилистической окраски имени прилагательного на фоне нормативной

и диалектной; анализ и описание лингвостатистических характеристик стилистической маркированности имени прилагательного в художественном тексте. Результаты осуществлённых научных изысканий имеют значение как для теории языка в целом, так и для русского языкознания в частности, а также для лингводидактики и методики, чем и объясняется актуальность исследования научной проблемы.

В художественном тексте то или иное прилагательное с функционально-стилевой или эмоционально-экспрессивной стилистической окраской в зависимости от окружения, социального и языкового поля в стилистическом плане подвергается интерпретации, лингвостилистической эволюции, что зависит от писательского замысла, от влияния лингвистических и экстралингвистических факторов, от социального статуса, происхождения, уровня образования, профессии, темы разговора, пола, эмоционального состояния и т.д. как автора, так и героев произведения. В этом плане творчество В. М. Шукшина, языкоречь его произведений являются уникально интересными не только в аспекте стилистической функциональности лексики имени прилагательного, но и в целом, как в общелингвистическом, так и в частнолингвистическом планах.

Особенности функционирования стилистически окрашенных прилагательных в рассказах В. М. Шукшина в качественном и количественном освещении

Исследуемый языковой материал — это тексты рассказов В. М. Шукшина из сборника «Там вдали» (Шукшин 1986). Стилистическая окраска языковой единицы характеризуется двумя типами: функционально-стилевой и эмоционально-экспрессивной. Внутри каждой из них стилистическая окраска слова подразделяются на виды, которые в совокупности составляют полиаспектное языкоречевое явление — стилистическая окрашенность (маркированность, коннотация) языковой единицы (Гак 1997; Шмелёв 1977; Кожина, Дускаева, Салимовский 2011; Болотнова, Болотнов 2024; Салимовский 2003).

Ряд исследователей языка В. М. Шукшина считают, что его проза «стремится быть произнесённой». Так, С. Юрский слышит в прозе В. М. Шукшина и современную речь, и современное мышление (Юрский 1989), что доказывается тем, что его язык, язык его героев, лишён вычурности, замысловатости, искусственности. Это живой русский язык жителей деревни, то есть русско-деревенский язык. Например, из рассказа «Критики» В. М. Шукшина: *«Нервная система*

— *это же его учение*». Прилагательное *нервный* в этом контексте можно отметить пометой «мед.» или «научн.», так как словосочетание употребляется в сфере медицины как научный термин и фрагмент контекста характеризуется функциональной принадлежностью к этой сфере. Но в толковом словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой это прилагательное имеет и другие (прямые и переносные) значения, стилистическую окраску и соответствующую словарную помету (Ожегов & Шведова 2000). В этом случае стилистический маркер в словаре и в тексте В. М. Шукшина совпадает в одной стилистической окраске (книжн.), а в стилистической окраске как нейтральной и разговорной не совпадает.

Другой контекст с использованием этого же слова (*нервный*): *Дед был сухой и нервный и страдал глухотой* («Критики»). В этом случае прилагательное *нервный* имеет разговорную окраску и означает «возбуждённый, раздражённый». В СОШ это прилагательное с данным значением имеет стилистическую помету «разг.», что совпадает с его контекстуальной стилистической окраской в этом фрагменте текста.

Язык В. М. Шукшина простой, ясный. Наряду с нормативно-литературными, разговорными лексемами он использует диалектные и просторечные слова. Например, в рассказе «Письмо» так описывается муж Кандауровой: *Муж её, Кандауров Иван, был мужик работающий, честный, но бука несусветная*. Прилагательное *несусветная* имеет разговорную окраску и в СОШ, маркировано пометой «разг.», но в данном контексте семантико-стилистический аспект слова усилен в сочетании со словом *бука* и со словами *мужик работающий, честный*. Стилистический оттенок слова положительный, а смысловое выдвижение имеет оттенок значения неудержимый, беспокойный (в положительном смысле), за всё берущийся и, как правило, успешно завершающий (о теории выдвижения см.: Джусупов Н. 2019).

Значительную роль в выборе стилистических средств в художественном тексте играют не только лингвистические, но и экстралингвистические факторы, связанные как с автором, так и героями произведения. Влияние лингвистических и экстралингвистических факторов приводит к тому, что В. М. Шукшин наделяет речь своих героев диалектной лексикой, так как действия разворачиваются в основном в деревне между сельскими жителями. Например, *«Домой Чудик приехал, когда шёл рясный, парной дождик»* («Чудик»). Значение слова (прилагательного) *рясный* вне контекста непонятно, да и в контексте оно не совсем понятно, так

как можно ошибиться и воспринять так, как будто употреблено в значении «сильный, частый, грибной, тёплый, с градом» и т.п. В Словаре В. В. Даля (СД) данное прилагательное означает «обильный, крупный» (Даль 1991).

Таким образом, контекст, на наш взгляд, следует понимать в значении: *что Чудик домой приехал, когда шёл обильный крупный дождь, то есть, когда лил сильный, льющийся как из ведра дождь.* Слово *Чудик* (так назван персонаж), имеет несколько пренебрежительное, уничижительное, и в то же время положительное значение. Сочетание значения крупного, сильного, непрерывающегося дождя и значения слова *Чудик* (с уменьшительно-ласкательным суффиксом), обозначающего человека чудного, не в меру необычного, с неожиданными чудаковатыми действиями, который имеет оттенок значения очень маленького человека с маленько-большими чудаковатостями формирует в фрагменте контекста значение гиперболичности. На основе значения «обильный, крупный (рясный)» и значения очень маленький, никудышный (*Чудик*) создаётся общее контекстуальное значение увеличенности, чрезмерности, высокообъёмности, потому что ласкательно-уменьшительное, уничижительное (*Чудик*) тоже усиление, но в обратном значении. В такую погоду может ходить и ездить только *Чудик*.

Другой пример: *Он маленько заполошный — как бы не сделал чего над собой* («Материнское сердце»). В этом фрагменте употреблено слово *заполошный*. В СД слово дано в следующем толковании: «ветренный, опрометчивый, безрассудный, взбалмошный, ...» (Даль 1991). В контексте же это слово означает «потерянный, растерянный, безвыходный, загнанный», потому что дальше сказано «...как бы ни сделал чего над собой». Итак, словарное значение и текстовое не совпадают. В. М. Шукшин вложил в это слово другое значение, другой стилистический нюанс. А возможно, что это слово в диалекте Алтая имеет именно такое семантико-стилистическое значение. В таком случае, В. М. Шукшин «не создал» новое значение и новую стилистическую окраску, а использовал то, что имеется в живой речи носителей алтайского диалекта.

Интересно использование диалектизма *чалдонский*: *Щиблетов не стал дожидаться, пока они своими чалдонскими мозгами сообразят, что ответить, скрипуче повернулся, кашлянул в кулак и пошёл в кабину* («Ораторский приём»). Его нет и в словаре В. В. Даля. Но из фрагмента контекста ясно, что имел в виду автор под этим словом: слово предстаёт перед нами в значении «тугодумный, не соображающий». Скорее всего, это слово авторский окказионализм

или диалектизм от слова *чалдон*. Но ведь, если диалектизма и другого слова «местного изобретения» и с местными значениями нет в словаре, то это не значит, что оно обязательно индивидуально-авторское. Оно может быть диалектизмом, который не зафиксирован лексикографами и художниками слова. Но в любом случае, В. М. Шукшин «первооткрыватель» этого слова, использовавший его в художественном тексте, который читается и анализируется человеком.

Имя прилагательное обладает такими специфическими признаками как мобильность, подвижность семантики, что в итоге характеризует его ещё «приспосабливаемостью» к существительному, глаголу к их семантике. В таких словосочетаниях, в которых имеется прилагательное с функционально-стилевой или эмоционально-экспрессивной окраской, может наблюдаться семантически и стилистический сдвиг.

Особенности использования стилистически окрашенных языковых средств в рассказах В. М. Шукшина проявляются на разных лингвистических уровнях, так как стилистика является надуровневой (межуровневой) дисциплиной.

Устная речь героев (на фонетическом уровне) интересна «деревенским», диалектным, произношением, интонацией, с характерными им мимикой, жестикующей, позой, которые говорят о той или иной стилистической окрашенности их языка.

Например: *А этто вчерашной ночью вздремнул маленько, вижу: ты вроде идёшь по ограде, ячки в сите несёшь* («Горе»). Прилагательное *вчерашной* передано звуком [o], такой выговор характерен для сельских жителей, литературный вариант — *вчерашн[е]й*.

Произношение с двумя согласными [тт] слово *это* (*этто*) в сочетании и с ненормативным произношением имени прилагательного *вчерашний* в звучании [вчерашной] усиливает диалектность речи, её ненормативность в литературном плане, стилистическую просторечность (*этто, вчерашной*). Этот диалог старика происходит в момент, когда он тяжело переживает смерть своей жены — «тихой, безответной старушки». На такую ненормативную речь могут повлиять и другие (*недиалектные*) причины: нет сил разговаривать (*старость*), физиологические причины (*беззубость*), поэтому трудно разговаривать, так как он вспоминает свою старуху и плачет, всхлипывает, что может способствовать появлению отклонений в речи в сторону неправильной интонации и произношения.

Другой пример: *Оказалось, офицер у них чижалораненый, а им надо в другую сторону* («Горе»). В этой речевой ситуации предложение и имя прилагательное произнесены стариком помоложе возрастом, односельчанином, находящемся в состоянии опьянения. Звукосочетание [т'и] произносится как [ч'и]. Это обусловлено социальными причинами: место жительства, эмоциональное состояние, диалект, образование и др.

Не менее интересен другой пример: *А ей когда говорили, что она похожа на артистку какую-то, она прямо щастливая становилась* («Раскас»). Персонажу рассказа Ивану Петину, который пишет вместо СЧ сочетание Щ, — 40 лет. В это время он находится в состоянии эмоционального возбуждения, так как от него ушла жена с другим офицером и он решил написать об этом рассказ. Он правильно произносит, но написание СЧ вместо Щ говорит о его неграмотности или невнимательности. В. М. Шукшин показывает это и другие фонетико-орфоэпические особенности не как частный случай, а как явление, функционирующее в среде деревенских людей, которые говорят, мыслят, пишут так, как они привыкли в той микро- или макросоциальной среде, что они считают нормативным, обычным, для них понятным. И никто над ними не смеётся, не удивляется их диалектному произношению, так и такому написанию, потому что они в родной для них стихии говорения, общения и в целом жизненной деятельности.

На словообразовательном уровне примеров языковых единиц со стилистической окраской достаточно много. Шукшинские герои используют весь спектр словообразовательных элементов, которые имеют разговорно-просторечную стилистическую окраску. Так, в текстах рассказов функционируют следующие суффиксы прилагательных, имеющие функционально-стилевую и эмоционально-экспрессивную стилистическую окраску:

- яц-, -ец-: *бедняцкий, простецкий;*
- еньк-, -оньк-: *стройненькая, махонькая;*
- ск-: *бабский;*
- чив-, -лив-: *улыбчивый, говорливый;*
- аст-, -ист-: *грабастый, загогулистый;*
- ат-: *носатый;*
- ящ-: *работающий.*

В рассказе «Чудик» использовано прилагательное *зубовный*: *Наконец толчок, и всех начинает так швырять, что послышался зубовный стук и скрежет* («Чудик»). Это слово в СОШ маркировано двойной пометой «устар. и книжн.» в значении «бешенная злоба, ярость». Существительное *скрежет* не сочетается с прилагательными: *зубной, зубатый, зубастый*. В данном случае автор хочет показать чужаковатость своего героя, который желает преувеличить ситуацию. Словоформа *зубовный* употреблено в диалектно-разговорном варианте вместо нормативного *зубной*. Стилистическая окраска — разговорно-просторечная. Употребление такого варианта слова усиливает смысловый объём слов *стук* и *скрежет*, и смысловые объёмы понятия *зуб, зубной*, потому что суффикс и окончание (*-овный*) дают оттенок значения «большой, сильный, громкий, очень громкий» и в то же время не совсем приятный, скрипучий, то есть в этом слове и в целом в словосочетании (*зубовный стук и скрежет*) присутствует гиперболичность не только за счёт значения слова *зубовный*, но и за счёт значения слов *стук, скрежет*, так как зубы не могут издавать громкий стук и громкий скрежет. В фрагменте контекста это гиперболизируется, приобретает образность и соответствующую стилистическую маркированность. Этой гиперболизации способствуют и значения предыдущих слов и словосочетаний (*наконец, толчок, и всех начинает так швырять*). Все они несут в себе значение усиления.

В контексте «*Редкостный, чудный покой слетел на него: он как будто куда-то плыл, повинясь спокойному, мощному току времени*» («Беспальный») выделенное прилагательное *редкостный* образовано от абстрактного существительного «редкостность». В СОШ слово стилистически не маркировано. Но это слово и его производные можно отнести в разряд историзмов или архаизмов и маркировать пометой «стар.» или «устар.», так как в современном русском языке нормативным и высокочастотным является вариант «редкий». В контексте же, на наш взгляд, слово *редкостный* использовано в статусе стилистического приёма для демонстрации эмоционального состояния героя, который он получает от того, что редкостный, чудный покой, то есть очень сильное спокойствие, а следовательно, и ощущение, что с него что-то слетело (легко, воздушно, свободно), и как будто от этого ему кажется, что плавно плывёт этот покой, а может, и сам герой. В предложении в целом стилистическая окраска неразговорно-просторечная, а образно-художественная (*редкостный, чудной, чудной покой, слетел на него, как будто куда-то плыл, повинясь спокойному, мощному току времени*). Все эти словосочетания работают, подтверждая усиление семантико-

стилистического объёма значений, стилистической окраски, употреблённого прилагательного *редкостный*. А раз такой *редкостный*, то он и *чудный*. В данном случае наблюдается сочетание слов (*редкостный, чудный*), что усиливает стилистическую окрашенность всего предложения, хотя слово *редкостность* в СОШ представлено как нейтральное, производное от него слово *редкостный*, на наш взгляд, маркируется в данном случае разговорно-стилистической окраской.

Среди префиксов наиболее продуктивными в прозе В. М. Шукшина следует отметить такие, как по-, не-, без-, рас-, недо-: *побойчей, пострашней, распаренный, недопитый* и т.д. Использование таких префиксов прилагательного характеризует разговорный оттенок речи.

В. М. Шукшин использует и сложносоставные прилагательные: *черноглазая, великовозрастный, миловидный*, а также производные прилагательные от аббревиатур: *СельПО — сельповский*. Это вызвано многими причинами, в том числе авторским замыслом для передачи особенностей деревенской речи.

Рассматривая тексты рассказов В. М. Шукшина в стилистико-синтаксическом аспекте, видим использование простых предложений, сложноподчиненных с вставными конструкциями, обращениями, в которых употребительны прилагательные со стилистической окраской. Наблюдается достаточно частое использование неполных, инфинитивных предложений.

Язык рассказов В. М. Шукшина в синтаксическом плане прост. Он не похож на язык романов Ф. М. Достоевского или Л. Н. Толстого, где часто используются сложноподчинённые предложения с целой цепочкой придаточных предложений. В. М. Шукшин для придания своим рассказам деревенского колорита использует такие синтаксические средства, как инверсия, согласованное определение, сравнительный оборот и слова со сниженной стилистической окраской. Например:

1. Утро раскинулось *ясное, умытое, тихое* («Дядя Ермолай»).
2. Куда летом едешь? В Гагры *вишвые*? («Два письма»).
3. Катенька, доченька, видела я этой ночью *худой* сон («Письмо»).
4. Говорил мужикам про такие *поганые* подробности, каких со зла не выдумаешь («Версия»).
5. Самый *натуральный* поп — с волосьями («Верую!»).

6. *Атомный* век, мля, — должна быть скорость («Петька Краснов рассказывает»).
7. Черти *дранные*. Тут ли сейчас не жить! — думает он и вылезает на свет *белый* («Космос, нервная система и шмат сала»).
8. *Мучительная* слабость навалилась... («Как помирал старик»).
9. Здоровье у него *неважное* («Письмо»).
10. *Потные, непотные* — лезете под машину, на *сырую* землю спиной («Петька Краснов рассказывает»).
11. Дома. *Голые* ходят («Хахаль»).
12. Вы заметили: я суетился сейчас, как *неловкий* жених? («Экзамен»).
13. И получится такое ... *мировое* человечество («Космос, нервная система и шмат сала»).
14. Вот это был — руководитель. *Врождённый* («Наказ»).
15. Э-э, друг *ситный*, да ты что?! («Беспалый»)

Речь героев рассказов богата фразеологизмами, устойчивыми сочетаниями. Так, герои часто используют фразеологизмы разговорного характера, в состав которых входит имя прилагательное: *змея подколодная, казанская сирота, друг ситный, крокодиловы слёзы*. А использование просторечных, бранных и ругательных слов и словосочетаний с именами прилагательными (*курва старая, черти полосатые* и др.) придают текстам рассказов В. М. Шукшина ещё больший разговорный, просторечный колорит.

Приведённые выше примеры фрагментов текстов и анализ используемых прилагательных со стилистической окраской свидетельствуют о неповторимой оригинальности индивидуально-авторского стиля В. М. Шукшина как художника слова и значимости лексики имени прилагательного в формировании его писательского мастерства.

Герои В. М. Шукшина — это обыкновенные деревенские жители разного уровня жизни, образования и профессии, разного социального статуса, пола, нрава и темперамента, возраста, вступающие между собой в различные отношения. Эти социальные факторы влияют на их речь, действия, мысли и мировоззрение. Передача этих различных отношений позволяет автору показать смену их психологического и эмоционального состояния, духовный потенциал в условиях деревенской жизни. Это всё — обычные бытовые ситуации: речь

жителей села на суде, встреча Ивана с главой города, монолог о сущности человека и его жизни, беседа с попом, которому «ничто человеческое не чуждо» и др. Всё это раскрывает национально-культурную, эстетическую и в целом духовную полноту русской деревенской жизни.

Население с русской душой свято хранит свои традиции, трудолюбие, семейное счастье, богатство и красоту природы. Писатель показывает героев, живущих в реальной обстановке в объективном мире. Они в основном материалисты, реалисты и гуманисты, любящие свою деревню, свою землю, свой народ, их речь характеризуется конкретностью, сметливостью, большой логикой, свободой и независимостью, стремлением до всего дойти своим умом.

Анализ языка героев В. М. Шукшина, описание их характера и психологии, речевых ситуаций свидетельствуют о полноте и образной выразительности рассказов. Его рассказы можно дифференцировать на группы: рассказ-судьба, рассказ-характер, рассказ-исповедь. Это подтверждается тематикой и структурой рассказов: часть рассказов о судьбе, о жизни людей; другая часть — о нравах, характере человека, его образе мышления, поступках, о его мировоззрении и мироощущении; третья часть рассказов — об анализе прожитой жизни.

Некоторые рассказы В. Шукшина автобиографичны. Так, автор вступает в диалог с происшествиями, которые происходили с ним когда-либо. Объединяя в единое влияние лингвистических и экстралингвистических факторов на писателя и на его героев, можно прийти к выводу о том, что язык героев рассказа и язык самого рассказчика (писателя) простой, открытый для проникновения различного рода диалектизмов, просторечных слов, пословиц и др., заряженных разговорным оттенком языковых единиц. Поэтому язык рассказов В. М. Шукшина — язык богатый образами, эмоциональностью, экспрессивностью силой эстетического воздействия, точный в суждениях, понятный читателям.

Рассказы, написанные на «деревенском» русском языке, обладают яркой образностью и разнообразием стилистической окраски. А. Н. Толстой, обращаясь к этой проблеме, писал: «Почему так хорош и художествен язык народной речи? Потому что в народной речи живут и всегда действуют законы рождения языка» (Дерягин 1978).

Функционирование имени прилагательного в рассказах В. М. Шукшина как в качественном, так и в количественном планах имеет свои особенности, так как стилистическая окраска языковой

единицы в художественном тексте играет важную образно-образовательную роль как по типу её окрашенности, так и по частотности употребления и отражения её писателем в художественном тексте. Высокочастотное, среднечастотное или низкочастотное использование стилистически окрашенного имени прилагательного в тексте зависит от замысла, художественного вкуса писателя, поэтому качество и количество в рассказах тесно взаимосвязаны в решении задач и в достижении цели, которые поставил перед собой автор. Количество в серьёзной степени характеризует качество и способствует более точному, более объёмному раскрытию внутреннего мира художественного текста.

Статистический анализ предусматривает исследование текста двумя методами — сплошным и выборочным. Выборочное наблюдение над текстом предлагает такие приёмы 1) случайный отбор; 2) механический отбор; 3) серийный отбор; 4) типический отбор (Пиотровский, Бектаев, Пиотровская 1977).

Такой метод статистического исследования имеет большое значение «при описании языка писателя и при исследовании языка художественного произведения» (Пиотровский, Бектаев, Пиотровская 1977).

Статистический анализ количества стилистически окрашенных прилагательных в рассказах В. М. Шукшина производился в абсолютных числах и процентах: по отношению ко всему объёму слов в сборнике рассказов (80000); по отношению ко всему количеству прилагательных в сборнике рассказов (5817); по отношению ко всему количеству стилистически маркированных прилагательных в сборнике рассказов (1336). Мы не делили функционально-стилевую окраску на типы, а объединили все типы стилистической окраски в одно общее.

Исследуемый языковой материал по стилистике имени прилагательного в произведениях В. М. Шукшина состоит из 48 рассказов. Количество слов в них составляет 80000 единиц. Каждый отдельно взятый рассказ состоит из 1400-1600 языковых единиц (слов). В анализируемых текстах было выявлено 5 817 прилагательных. В каждом рассказе В. М. Шукшина использовано от 100 до 400 прилагательных. В ходе работы над анализом художественного текста были отобраны имена прилагательные, которые выражают их функционально-стилевую и эмоционально-экспрессивную окраску.

Таблица 1

Качественно-количественные характеристики стилистической окраски имени прилагательного в тексте рассказов В. М. Шукшина (сборник «Там, вдали». Вильнюс. МОКЛАС, 1986, 383 с.)

Всего слов в сборнике рассказов в абсолютных числах и в %	Всего прилагательных в сборнике рассказов в абсолютных числах и в %	Всего стилистич. окраш. прилагательных в абсолютных числах и в %	
		по отношению ко всему массиву слов	по отношению ко всему массиву прилагательных
80 000 = 100%	5 817 = 7,3%	1336 = 1,7 %	1336 = 23,0 %

Итак, всего слов в сборнике — 80 000, это 100%. Функционирующих в текстах рассказов прилагательных — 5 817. Это 7,3 % от всего массива слов в сборнике и 100 % всех прилагательных в нём. Функционирующих в текстах рассказов стилистически окрашенных прилагательных — 1336. Это — 1,7 % от всего количества слов в сборнике и 23,0 % от всего количества прилагательных в сборнике рассказов. Таким образом, в целом, количество прилагательных и стилистически окрашенных прилагательных в художественном тексте В. М. Шукшина достаточно большое (5817) и в этом составе 1336 — со стилистической маркированностью. Такое положение дел говорит о том, что художественные тексты писателя насыщены выражением качества (красоты, образов, сравнения, гиперболы, литоты и т.д.) при передаче речевых особенностей героев произведений с выдвиганием на передний план русско-деревенского словотворчества.

Большинство прилагательных, функционирующих в рассказах, носит нейтральный характер. Лексика имени прилагательного со стилистической окраской выделяется на фоне нейтральных языковых единиц, которые преобладают в художественном тексте.

Прилагательные (научные термины) в составе словосочетаний, такие как *нервная система, атомный век, сивушное масло*, функционирующие частотно в тексте, переосмыслиются, т.е. употребляются в переносном значении, или происходит расширение их значения, а соответственно, и стилистической окраски.

Качественный и количественный анализ показывают, что слова (прилагательные) в тексте рассказов носят в основном разговорный оттенок.

Стилистическая окраска прилагательных в тексте часто совпадает со стилистической маркированностью их в толковых словарях русского языка. Например: *словоохотливая, давнишний, загогулистое, распаренный, грабастый, аппетитная* (в значении «женщина с привлекательной внешностью и фигурой»), *бабский, бедняцкий, шикарный, вшивый* (в значении «приевшийся, надоевший»), *пышный* (в значении «тучный, толстый, с огромными размерами»), *поганый, драный* и т. д.

Некоторые прилагательные в речи героев В. М. Шукшина получают разговорную или просторечную окраску в зависимости от содержания высказывания, их синтаксического расположения и синтаксической функции, лексического окружения и т. д. Например, в предложении *Посмотрел минут пять на телевизорную мельтешню и заявил: — Хреновина.* От просторечного лексико-стилистического окружения нейтральная окраска прилагательного *телевизорный* приобретает просторечный оттенок, так как слова *мельтешня, хреновина* несут просторечно-грубый оттенок, и в толковом словаре они маркируются стилистической пометой «прост.». Таким образом, прилагательное *быстро, легко* подвергается малозаметным, но существенным смысловым и стилистическим видоизменениям в сочетании с именем существительным. Например, в предложении: *Если они рекламируют пиво, то на вывеске обязательно давай счастливое рыло* («Пьедестал»). В СОШ слово *рыло* маркируется пометой «прост.», а прилагательное *счастливое* не имеет стилистической пометы. Однако в сочетании с просторечным существительным слово приобретает оттенок просторечности, то есть «заряжается» просторечностью и несёт в себе оттенок брани, осуждения и используется в составе сочетания как средство для выражения иронии, высмеивания. В таких случаях стилистическая окраска имени прилагательного в словаре и в художественном тексте не совпадает, что свидетельствует об индивидуально-авторском использовании их в художественной речи.

В. М. Шукшин, употребляя в обилии разговорную и просторечную лексику, используя прилагательные разговорной, просторечной, диалектной окраски, показывает мировосприятие, мировоззрение своих героев своих рассказов. Разговорная речь героев рассказов В. М. Шукшина свидетельствует о стремлении автора сделать речь доступной, понятной для всех. Поэтому его художественный язык многозначный, образный, наполненный целой палитрой типов

стилистической окраски. Отсюда, язык Шукшина — простой, деревенский, незамысловатый, а следовательно, он относится к писателям реалистического и натурфилософского направления.

В художественной речи В. М. Шукшина функционально-стилевая и эмоционально-экспрессивная окраска языковой единицы в целом и имени прилагательного в частности нередко сплетаются в одно целое, так как их невозможно, или почти невозможно дифференцировать. Например, использование таких прилагательных как *бабский*, *вишневый*, *зауголистый* и др., с одной стороны, являются единицами разговорно-просторечного подстиля разговорного стиля, с другой стороны, они маркированы и эмоционально-экспрессивной стилистической окраской (или пренебрежение, или уничижение, или гиперболичность, или снисходительность, или шутливость, и т.д.). Поэтому разговорное прилагательное, используемое в тексте рассказа автором, в стилистическом плане часто представляет собой клубок (сочетание, совокупность, класс, сплав) стилистических оттенков, сочетающих в себе функционально-стилевое и эмоционально-экспрессивное. Такое явление в художественной языкоречи В. М. Шукшина связано прежде всего с тем, что тема рассказов — деревенская, а деревенский простонародный язык — язык разговорный, вбирающий в себя языковые единицы всех функциональных стилей, так как в сознании рядового жителя деревни — это единый русский язык, которым он может пользоваться в силу своего видения картины мира и её отражения в своей речи без обязательной формальной дифференциации на стили и подстили.

В сознании носителей диалекта сформированы психообразы звуков и их сочетаний, слов, сочетаний слов, их семантические и стилистические особенности, которые серьёзно отличаются от норм литературного языка, поэтому они и литературно-нормативные языковые единицы озвучивают в диалектном произношении, в диалектном лексическом значении с соответствующей стилистической окраской. Таким образом, в сознании носителя диалекта происходит контактирование системы норм диалекта и системы норм литературного языка, как правило, в тех жизненных условиях «побеждают» нормы диалектной речи. Поэтому при необходимости осуществления речевой деятельности на литературном языке появляется внутриязыковая интерференция под влиянием двуединого отрицательного воздействия (Джусупов 2021) диалектных и литературных норм друг на друга, что, как правило, в языкознании и в методике обучения языку рассматривается как одностороннее отрицательное влияние диалекта. Диалект — социолингвистическое

явление внутри одного языка, которое сформировано и веками функционирует в тех социальных условиях, в которых живут его носители.

Проблема овладения индивидом и социумом двумя лингвосистемами как внутри одного языка (диалект и литературный язык), так и двумя разными языками носит билингвальный, социолингвистический характер (Джусупов 2019), что формируется или в естественных условиях, или в искусственных условиях (в учебной аудитории) или при сочетании первого или второго. Это касается как обучения литературному языку в условиях диалекта, так и обучения второму (неродному) языку.

В. М. Шукшин продемонстрировал это явление «борьбы» нормы диалекта и норм литературного русского языка в речи носителей алтайского диалекта как естественную, языкоречевую, внутриязыковую лингвоконтрастивную реальность функционирования русского языка в одних социолингвистических условиях, где русская диалектная речь коммуникантов разнообразная, богатая, образная, семантически и стилистически полиаспектная, в системе которой значительную роль играет стилистическая маркированность лексики имени прилагательного.

Например: 1) *Если хотите, меня интересует человек, русский человек, который не удосужился прочитать величайшее национальное произведение («Экзамен»).* В контексте, казалось бы, прилагательные *русский, величайшее, национальное* имеют нейтральную окраску, лишь суффикс *-айш-* придаёт слову высокую (книжную) окраску. Но в данный момент речь произносит экзаменатор-профессор на экзамене у студентов заочной формы обучения. Основной акцент делается на национальность парня — *русский* — и не прочитал национальное произведение, т.е. «Слово о полку Игореве». В этом контексте прилагательное характеризуется стилистическим оттенком возмущения, разочарования, а может, и стыда за то, что люди (в данном случае студенты) не гордятся своим национальным достоянием, историческим прошлым своего народа.

2) *На реке ветер похаживал добрый. Стегал и толкался... Канаты гудели. Но хоть выглянуло солнышко, и то хорошо.* В данном контексте прилагательное «добрый» означает «сильный, штормовой» и приобретает оттенок испуга, настороженности перед сильным ветром. И автор успокаивает себя тем, что выглянуло солнышко. Но образ штормового ветра символичен, и автор описывает внутреннее состояние человека, переживания, будто что-то нехорошее

произошло. И действительно, старик Филипп стал свидетелем похорон его первой любви — прекрасной Марьи.

Обычные и необычные сочетания слов в тексте художественного произведения зависят от объективных (языковых) и субъективных (контекстуальных) значений слов. Например, *Неспокойно на душе, томительно. И думается в такие огромные, светлые, ядовитые ночи вольно, дерзко, сладко* («Горе»). Необычное сочетание «ядовитые ночи» характерно для прозы В. М. Шукшина. В контексте прилагательное *ядовитый* в сочетании с существительным *ночь* приобретает другой смысл, и в сознании читателя закрадывается мысль о том, что у этого прилагательного появляется новое значение «тревожная, беспокойная» и новая стилистическая окраска, несущая оттенок тревоги, разочарования, боли за маленького человека.

Анализ результатов статистического исследования показал, что частотность имён прилагательных с эмоционально-экспрессивной окраской в художественном тексте выше, чем с функционально-стилевой окраской, потому что большую роль играют экстралингвистические факторы, тема и идея художественного произведения, что и способствовало использованию В. М. Шукшиным в обилии разговорную, просторечную, диалектную лексику с соответствующей стилистической окраской в непринуждённых речевых ситуациях, в которых общаются жители деревни — носители диалекта.

Заключение

Стилистическая окраска имени прилагательного, фиксированная в словарях и функционирующая в художественном тексте, может совпадать и не совпадать, это объясняется открытостью языка художественной речи и её стилистических возможностей. Одно и то же имя прилагательное в разных толковых словарях может отмечаться как одинаковыми, так и разными видами стилистической окраски, что зависит от видения и понимания авторов словарей, придерживающихся неодинаковых методологических основ в процессе научного исследования в целом и стилистической окраски языковой единицы в частности.

В лингвостатистике художественной речи В. М. Шукшина имя прилагательное функционирует частотно и в разных типах и видах стилистической окраски. Сборник рассказов «Там, вдали» состоит из 48 рассказов (80 000 слов=100 %). Из них 5817 (7,3 %) языковых единиц — имена прилагательные. Стилистически окрашенных прилагательных — 1336, что составляет 1,7 % от общего массива слов

в сборнике и 23,0% — от всего количества прилагательных в нём. Таким образом, почти четверть лексики имени прилагательного в тексте рассказов является стилистически окрашенной. Многие из них являются или новообразованными, или контекстуально-ситуативно интерпретированными под влиянием норм диалектной системы. Это усиливает образность, самобытность рассказов, написанных, при опоре на деревенскую диалектную речь, являющейся доминантной в той большой социолингвистической ситуации, в которой живут и трудятся герои произведений В. М. Шукшина. Таким образом, деревенский диалектный русский язык героев рассказов — это отражение реальной функциональной языкоречи, а не искусственно созданной.

С изменением стилистической окраски имени прилагательного в художественном тексте (в сравнении с маркированностью в словаре) в ряде контекстов изменяется и его лексическое значение, что в совокупности создаёт или новый, или относительно новый объём, или нюанс контекстуального значения.

Индивидуально-авторское писательское мастерство в использовании имени прилагательного (как стилистически нейтрального, так и окрашенного) состоит из трёх составляющих: 1) норм литературного русского языка; 2) норм диалектного русского языка; 3) авторской интерпретации стилистической маркированности языковой единицы. Последние два выделяются на фоне литературных норм и формируют самобытный художественный текст, писательскую индивидуальность, которые демонстрируют глубокий интеллектуальный потенциал автора, героев рассказов.

В сознании носителей диалекта сформированы психообразы диалектных языкоречевых стандартов и их парадигматические и синтагматические особенности, держащие речепроизводителей в этой русскоязычной стихии, которая «нарисована» в произведениях автора в оригинальном статическом и динамическом состоянии, что представлено в настоящей работе на примере анализа стилистической маркированности имени прилагательного русского языка.

Использованная литература

Marszałek M., Tołkaczewski F. Occasionalisms in the Works of Vasilij Shukshin // *Slavia Orientalis*. — 2018. — Vol. LXVII. — No. 1. — P. 129–142.

Tołkaczewski F. Самобытность Шукшина по-английски (к вопросу о переводе окказионализмов) // *Slavia Orientalis*. — 2019. — Т. 68, № 2. — С. 379–400. <https://doi.org/10.24425/slo.2019.128479>

Болотнова Н. С., Болотнов А. В. Актуальные проблемы стилистики в современном и историческом освещении // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2024. — № 3 (233). — С. 56–64. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-3-56-64>

Большой толковый словарь современного русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. — СПб.: Норинт, 2002. — 1536 с.

Виноградов, В. В. О языке художественного произведения / В. В. Виноградов // Избранные труды. О языке художественной прозы / В. В. Виноградов; отв. ред. Г. В. Степанов; АН СССР, Отд-ние литературы и языка. — Москва: Наука, 1980. — С. 282–303

Гак В. Г. Эмоции и оценки в структуре высказывания и текста // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. — 1997. — № 3. — С. 87–95.

Даль В. В. Толковый словарь живого великорусского языка. — М.: Русский язык, 1991. — 699 с.

Дерягин В. Я. Беседы о русской стилистике. — М.: Знание, 1978. — 64 с.

Джусупов М. Рецензия на монографию: Рахимов Г. Х. Инглиз тили Ўзбекистонда: социолингвистик ва прагматик кўрсаткичлар (Английский язык в Узбекистане: социолингвистический и прагматический аспекты). — Ташкент: TAMADDUN, 2017 // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. — 2019. — Т. 23. — № 1. — С. 254–266. <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2019-23-1-254-266>

Джусупов М. Речевая интерференция как результат двуединого отрицательного воздействия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2021. — Т. 12. — № 1. — С. 23–41. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-1-23-40>

Джусупов Н. М. Параллелизм как тип выдвижения: структура, выделенность и проблема восприятия // Теория речевой деятельности: вызовы современности: материалы XIX Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. — М.: Канцлер, 2019. — С. 217–218.

Кожина М. Н., Дускаева Л. Р., Салимовский В. А. *Стилистика русского языка: учебник.* — 4-е изд., стер. — М.: Флинта; Наука, 2011. — 464 с.

Коняшкин А. М., Коняшкин А. А. *Стилистические ресурсы разговорной речи в рассказах В.М. Шукшина // Мир науки, культуры, образования.* — 2022. — № 1 (92). — С. 262–266. ISSN 1991-5497

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. *Толковый словарь русского языка.* — 4-е изд., доп. — М.: Азъ, 2000. — 944 с.

Пиотровский Р. Г., Бектаев К. Б., Пиотровская А. А. *Математическая лингвистика.* — М.: Высшая школа, 1977. — 383 с.

Салимовский В. А. *Стилистическая коннотация // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной.* — М.: Флинта; Наука, 2003. — С. 432–433.

Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т русского языка; под ред. А. П. Евгеньевой. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Русский язык, 1981–1984.

Шмелёв Д. Н. *Русский язык в его функциональных разновидностях.* — М.: Наука, 1977. — 168 с.

Шукшин В. М. *Там, вдали: рассказы.* — Вильнюс: Мокслас, 1986. — 318 с.

Юрский С. Ю. *Кто держит паузу.* — 2-е изд., доп. — М.: Искусство, 1989. — 399 с.

References

Bolotnova, N. S., & Bolotnov, A. V. (2024). Aktual'nye problemy stilistiki v sovremennom i istoricheskom osveshchenii [Current issues of stylistics in modern and historical perspectives]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Tomsk State Pedagogical University Bulletin]*, (3[233]), 56–64. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-3-56-64>

Dahl, V. V. (1991). *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]. *Russkiy yazyk.*

Deryagin, V. Ya. (1978). *Besedy o russkoy stilistike* [Conversations on Russian stylistics]. *Znanie.*

Dzhusupov, M. (2019). *Retsenziya na monografiyu: Rakhimov, G. Kh. Ingliz tili O'zbekistonda: Sotsiolingvistik va pragmatik ko'rsatkichlar*

[Review of the monograph: Rakhimov, G. Kh. *English in Uzbekistan: Sociolinguistic and pragmatic indicators*]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Lingvistika [Russian Journal of Linguistics]*, 23(1), 254–266. <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2019-23-1-254-266>

Dzhusupov, M. (2021). Rechevaya interferentsiya kak rezul'tat dvuedinogo otritsatel'nogo vozdeystviya [Speech interference as a result of dual negative influence]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika [RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics]*, 12(1), 23–41. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-1-23-40>

Dzhusupov, N. M. (2019). Parallelizm kak tip vydvizheniya: Struktura, vydelenost' i problema vospriyatiya [Parallelism as a type of foregrounding: Structure, salience, and the problem of perception]. In *Teoriya rechevoy deyatel'nosti: Vyzovy sovremennosti: Materialy XIX Mezhdunarodnogo simpoziuma po psikholingvistike i teorii kommunikatsii [Speech activity theory: Challenges of modernity: Proceedings of the 19th International Symposium on Psycholinguistics and Communication Theory]* (pp. 217–218). Kantsler.

Gak, V. G. (1997). Emotsii i otsenki v strukture vyskazyvaniya i teksta [Emotions and evaluations in the structure of utterance and text]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya [Moscow University Philology Bulletin]*, (3), 87–95.

Konyashkin, A. M., & Konyashkin, A. A. (2022). Stilisticheskie resursy razgovornoy rechi v rasskazakh V. M. Shukshina [Stylistic resources of colloquial speech in the stories of V. M. Shukshin]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya [World of Science, Culture, and Education]*, (1[92]), 262–266.

Kozhina, M. N., Duskaeva, L. R., & Salimovskiy, V. A. (2011). *Stilistika russkogo yazyka [Stylistics of the Russian language]* (4th ed.). Flinta; Nauka.

Kuznetsov, S. A. (Ed.). (2002). *Bol'shoy tolkovyy slovar' sovremennogo russkogo yazyka [Comprehensive explanatory dictionary of modern Russian]*. Norint.

Marszałek, M., & Tołkaczewski, F. (2018). Occasionalisms in the works of Vasiliy Shukshin. *Slavia Orientalis*, 67(1), 129–142.

Ozhegov, S. I., & Shvedova, N. Yu. (2000). *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka [Explanatory dictionary of the Russian language]* (4th ed., rev. & enl.). Az".

- Piotrovskiy, R. G., Bektaev, K. B., & Piotrovskaya, A. A. (1977). *Matematicheskaya lingvistika* [Mathematical linguistics]. Vysshaya shkola.
- Salimovskiy, V. A. (2003). Stilisticheskaya konnotatsiya [Stylistic connotation]. In M. N. Kozhina (Ed.), *Stilisticheskii entsiklopedicheskii slovar' russkogo yazyka* [Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language] (pp. 432–433). Flinta; Nauka.
- Shmelev, D. N. (1977). *Russkiy yazyk v ego funktsional'nykh raznovidnostyakh* [The Russian language in its functional varieties]. Nauka.
- Shukshin, V. M. (1986). *Tam, vdali: Rasskazy* [There, in the distance: Short stories]. Mokslas.
- Slovar' russkogo yazyka: V 4 tomakh [Dictionary of the Russian language: In 4 volumes] (2nd ed., rev. & enl.; A. P. Evgen'eva, Ed.). (1981–1984). Russkiy yazyk.
- Tołkaczewski, F. (2019). Samobytnost' Shukshina po-angliyski: K voprosu o perevode okkazionalizmov [Shukshin's originality in English: On the translation of occasionalisms]. *Slavia Orientalis*, 68(2), 379–400. <https://doi.org/10.24425/slo.2019.128479>
- Vinogradov, V. V. (1980). O yazyke khudozhestvennogo proizvedeniya [On the language of a literary work]. In G. V. Stepanov (Ed.), *Izbrannyye trudy. O yazyke khudozhestvennoy prozy* [Selected works: On the language of literary prose] (pp. 282–303). Nauka.
- Yurskiy, S. Yu. (1989). *Kto derzhit pauzu* [Who holds the pause] (2nd ed., rev. & enl.). Iskusstvo.